

РУССКАЯ АРИСТОКРАТИЯ И ПРИВАТНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ: СЛУЧАЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

Винарский Максим Викторович – доктор биологических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Главный научный сотрудник. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5;
e-mail: radix.vinarski@gmail.com

Юсупова Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5;
e-mail: ti-yusupova@mail.ru

В структуре российской науки XIX века доминировали государственные формы ее организации. При этом имели место и немногочисленные частные (частные) формы исследовательских сообществ. Одним из малоизученных феноменов научной приватности является так называемый «кружок». В статье рассматривается история формирования и деятельность одного из таких кружков, сложившегося в 1880–1890-е гг. вокруг великого князя Николая Михайловича, серьезно занимавшегося исследованиями в области лепидоптерологии (науки, изучающей бабочек, *Lepidoptera*). Кратко рассмотрены роль и значение этого кружка для развития описательной энтомологии в ситуации ее слабой институционализированности в России в конце XIX в., освещены содержание научных исследований великого князя и его окружения и причины прекращения деятельности научного кружка. История этого неформального объединения интерпретируется нами как проявление целенаправленного жизнотворчества великого князя, пытавшегося таким образом профессионализировать свое увлечение и войти на равных в научное сообщество энтомологов, не порывая при этом со своей социальной средой и не выходя за пределы поведенческих норм, установленных обществом для лиц его положения. Показано, что великокняжеский кружок стал не только инструментом жизнотворчества, но и влиятельным центром российской лепидоптерологии, развитию которой был придан тем самым мощный толчок.

Ключевые слова: организационные формы российской науки, великий князь Николай Михайлович, жизнотворчество, научная повседневность, история энтомологии

RUSSIAN ARISTOCRACY AND PRIVATE FORMS OF SCIENTIFIC ORGANIZATION: THE CASE OF GRAND DUKE NIKOLAI MIKHAILOVICH

Maxim V. Vinarski –
DSci in Biology, Professor.
Saint-Petersburg State
University.
7/9 Universitetskaya Emb.,
Saint Petersburg 190034,
Russian Federation.
Chief Research Fellow.
S.I. Vavilov Institute for
the History of Science and
Technology, St. Petersburg
Branch, Russian Academy
of Sciences.
5 Universitetskaya Emb.,
St. Petersburg 199034,
Russian Federation;
e-mail: radix.vinarski@
gmail.com

Tatiana I. Yusupova –
DSci in History,
Chief Research Fellow.
S.I. Vavilov Institute
for the History of Science
and Technology, St. Petersburg
Branch, Russian Academy
of Sciences.
5 Universitetskaya Emb.,
St. Petersburg 199034, Russia;
e-mail: ti-yusupova@mail.ru

The structure of Russian science of the XIX century was dominated by state forms of its organization. At the same time, there were also a few private (non-governmental) forms of research communities. One of the little-studied phenomena of scientific privacy is the so-called “kruzhok” (a little circle in Russian). The article examines the history of the formation and activity of one of such “kruzhoks”, formed in the 1880s–1890s around Grand Duke Nikolai Mikhailovich, who was seriously engaged in research in the field of lepidopterology (the branch of entomology studying butterflies, Lepidoptera). The role and significance of this “kruzhok” for the development of descriptive entomology in the situation of its weak institutionalization in Russia at the end of the XIX century are briefly considered, the course of scientific research of the Grand Duke and his entourage and the reasons for the termination of their activity are discussed. The history of this informal association is interpreted by us as a manifestation of the purposeful life-making of the Grand Duke, who thus tried to professionalize his hobby and enter the scientific community of entomologists on an equal footing, without breaking with his social environment and without going beyond the behavioral norms established by society for persons of his status. It is shown that the Nikolai Mikhailovich's “kruzhok” became not only an instrument of his life-making, but also an influential center of Russian lepidopterology, the development of which was thereby given a powerful impetus.

Keywords: history of entomology, scientific way of life, life-making, Grand Duke Nikolay Mikhailovich

Введение

В организационной структуре российской науки долгое время преобладали централизованные формы. Начиная с учреждения Петербургской Академии наук, основным заказчиком научного знания в России выступало и (преимущественно) выступает до сих пор государство. При этом вплоть до первых десятилетий прошлого века наука в стране оставалась сравнительно слабо институционализированной. Исследовательская деятельность сосредотачивалась в немногочисленных тогда академических организациях и университетах. Количество как собственно научных учреждений, так и рабочих мест в них, которые могли бы способствовать профессионализации

научного сообщества, было невелико. Связанные с этим проблемы, равно как и «равнодушие» политических партий и самого государства к нуждам науки, отразились в публицистических выступлениях крупных русских естествоиспытателей начала XX в.¹ Вплоть до начала реализации масштабного большевистского проекта по тотальному огосударствлению науки и превращению ее в системообразующий компонент государственного строительства наука в России не рассматривалась как объект целенаправленного управления, планирования и контроля со стороны государства². Обратной стороной этого модернизаторского проекта стала невозможность любых частных форм институционализации науки в стране, которые начали развиваться в дореволюционный период³.

По вполне понятным причинам, на протяжении почти всего XIX в. частную инициативу в деле организации научных исследований проявляли в основном представители русской аристократии, включая членов дома Романовых, располагавшие достаточными финансовыми возможностями для поддержки ученых. Все разнообразие конкретных форм такой поддержки может, по нашему мнению, быть сведено к трем основным моделям.

1. Меценатство «по случаю». Влиятельное лицо оказывает материальную поддержку конкретному исследовательскому проекту, например организации экспедиции или изданию научного труда. Аналогом этого выступает современная грантовая система, при которой средства выделяются на реализацию сравнительно небольших и ограниченных во времени проектов. Широко известными историческими примерами подобного меценатства могут выступать случаи прямой финансовой поддержки российских императорами и членами их семьи «из личных средств» ряда путешествий Русского географического общества, а также публикации материалов этих экспедиций⁴.

2. Патронаж⁵. В этом случае «патрон» выступает в качестве организатора и спонсора новой исследовательской институции, нося-

¹ См., например [Вернадский, 1914; Тимирязев, 1926]. Тимирязев особо настаивал на профессионализации науки, поскольку обязанности университетского преподавателя, в частности «наши проклятые экзамены», не дают возможности ему реализовать в полной мере свое научное призвание. Статья К.А. Тимирязева первоначально опубликована в марте 1911 г. в газете «Русские ведомости». В советское время неоднократно включалась в сборники статей ученого.

² О «советской модели» институционализации науки см. [Kojevnikov, 2008].

³ Достаточно сказать, что К.А. Тимирязев считал, что освободить «современного ученого от обязанностей преподавателя» можно путем поиска «щедрых жертвователей, готовых прийти на помощь научному исследованию», как это уже сделано в Америке [Тимирязев, 1926].

⁴ Так, например, цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II) пожаловал Академии наук 25 000 руб. на издание научных результатов экспедиций Н.М. Пржевальского в Центральную Азию.

шей приватный характер и обеспечивающей научных работников рабочими местами и оплатой их труда на постоянной основе. При этом сам патрон не участвует в исследовательской деятельности и не претендует на вхождение в научное сообщество на правах его равноправного члена. Такая модель предусматривает «вертикальную» схему взаимодействия между патроном и его сотрудниками, сохраняя определенную дистанцию между ними. Одной из самых показательных инициатив такого рода в России стало создание в 1886 г. по предложению и на средства принца А.П. Ольденбургского (1844–1932) «Станции предупредительного лечения водобоязни по способу Пастера». В 1888 г. ее деятельность поддержал Александр III, и на базе станции был организован Императорский Институт экспериментальной медицины, спонсором которого продолжал выступать принц Ольденбургский. Это частное научно-исследовательское учреждение внесло большой вклад в развитии медицины и физиологии в России и имело важное социальное значение [Андрюшкевич, Мазинг, 2013].

Близкой к этому, хотя и менее институционализированной, по сути, формой был частный научный кружок, организуемый и финансируемый аристократической персоной из благородных, идеалистических побуждений⁶. Одним из первых и наиболее известным его примером в России был кружок графа Н.П. Румянцева (1754–1826), созданный для выявления, собирания и публикации документальных памятников русской истории. Румянцевский кружок функционировал практически как научно-исследовательская институция. Он объединял большое число участников (только ядро кружка составляло 55 человек), работа которых была объединена общей целью и задачами. Ре-

⁵ Научный патронаж – довольно широкое понятие. В качестве патронов могут выступать не только состоятельные лица (аристократы, предприниматели), но и сами ученые, занимающие крупные административные посты. В последнем случае роль патрона заключается не в финансировании ученых занятий своих клиентов, а в продвижении их на вакантные позиции, а также в создании научных сетей, в центре которых становится сам патрон. Хорошо изученным примером такого патронажа является деятельность Жоржа Кювье во Франции начала XIX в. [Outram, 1984].

⁶ Мы рассматриваем здесь научные «кружки», не имевшие институциональной основы и представлявшие собой объединения ученых по принципу близости интересов и стремления обсуждать научные вопросы в максимально неформальной, демократической форме. В них не было ни «патрона», ни внешнего финансирования. Подобные «кружки» возникали даже в недрах оформленных научных обществ. Ср.: «Химики составляли тесный кружок, собиравшийся обыкновенно после заседаний Химического общества на дружеские беседы в каком-нибудь скромном ресторане. Там за полночь лились рекой речи, царила простота и непринужденность, устанавливался свободный обмен мыслей, планов, предположений» [Энгельгардт, 1999, с. 513]. В этой цитате описываются события 1860-х гг. Кружки такого рода известны и в истории науки советского периода (ОПОЯЗ в лингвистике, «Дрозсоор» в генетике и некоторые другие).

зультатом деятельности кружка стала публикация десятков томов документов, ценнейших источников отечественной истории [Козлов, 1981; Бекасова, 1995]. Хотя для Румянцева кружок был инструментом реализации его просветительских убеждений и желания «принести пользу Отечеству» [Козлов, 1981; Бекасова, 1995], его вряд ли можно рассматривать как исследователя в полном смысле слова. Граф стремился скорее к «удовлетворению собственной любознательности» [Бекасова, 1995, с. 34], чем к положению признанного члена научного сообщества.

3. Наконец, третья форма, которую мы здесь выделяем, считая наименее изученной в отечественной историографии науки, представляет собой, если можно так выразиться, «инклюзивный патронаж», при котором строго вертикальная схема взаимоотношений между патроном и исследователями заменяется на «вертикально-горизонтальную». Иными словами, в этой модели аристократ стремится реализовать не только свои меценатские, но и исследовательские амбиции, рассматривая своих «клиентов» не только как наемных работников «умственного труда», но и как сотрудников в научном творчестве и соавторов, а себя самого – как «первого среди равных», вносящего не только финансовый, но и интеллектуальный вклад в общее дело.

Задача этой статьи – рассмотреть функционирование такого «инклюзивного патронажа» в истории российской науки на конкретном примере – истории научного кружка, созданного в последней трети XIX в. великим князем Николаем Михайловичем и просуществовавшего вплоть до начала прошлого столетия, а также вклад этого кружка в процесс институционализации энтомологических (конкретнее – лепидоптерологических) исследований в России. Представляют особый интерес личные мотивы великого князя, побудившие его к созданию этого кружка, что мы связываем в первую очередь с таким понятием, как жизнетворчество, которое можно понимать как форму духовно-практической деятельности, направленной на проектирование и осуществление личностью ее жизненных стратегий и программ [Сохань, 2010, с. 36–37].

Царские пути в науку

Великий князь Николай Михайлович (1856–1919) был единственным представителем российской императорской фамилии, которого можно без больших оговорок назвать настоящим ученым. Он хорошо известен как крупный специалист по отечественной истории первой четверти XIX в. и истории искусства, труды которого актуальны и востребованы до сих пор. Помимо этого, Николай Михайлович

состоял председателем нескольких крупных ученых⁸ обществ в России, причем на этих постах выполнял не только представительские функции, но и активно участвовал в их работе, в частности финансировал экспедиции Императорских Русского географического, Русского Энтомологического обществ и других учреждений [Юсупова, Винарский, 2022], а также издания Императорского Русского исторического общества. Менее известны энтомологические занятия великого князя, составлявшие главный интерес первой половины его сознательной жизни, начиная с юношеского возраста. До недавнего времени сведения об этих занятиях Николая Михайловича, его взаимоотношениях с коллегами-лепидоптерологами, как российскими, так и зарубежными, и практических результатах его деятельности оставались рассеянными по ряду работ, включая опубликованные в специальных энтомологических изданиях и потому мало известные историкам [Некрутенко, 1990; Свиридов, 2001; Королев, Мурзин, 2005; Винарский, Юсупова, 2021; Слепкова, 2021]. В нашей недавней публикации [Юсупова, Винарский, 2022] была сделана попытка реконструировать историю великокняжеского кружка, состав его участников, а также причины прекращения его деятельности около 1900 г. Это дает нам возможность здесь свести к минимуму исторические детали и обратиться к этому феномену в контексте проблемы институционализации российской энтомологии – и шире естествознания – во второй половине XIX в.

Николай Михайлович родился 14 апреля 1859 г. в Царском Селе и приходился внуком Николаю I. В 1862 г. его отец, великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), был назначен наместником на Кавказ, куда и переехала семья. Детство и юность Николая Михайловича прошли в Тифлисе и в Боржомском имении. Домашнее воспитание детей Кавказского наместника, по воспоминаниям, было строгим, в духе армейской дисциплины.

По сложившейся семейной традиции Николаю Михайловичу была уготована военная карьера, по ступеням которой он начал восхождение сразу после рождения, когда был зачислен в лейб-гвардейский полк. При этом военная служба его не привлекала [Воспоминания, 2019, с. 129], он не рассматривал ее как жизненное призвание. Еще в ранней юности его искренним увлечением стала энтомология, а именно коллекционирование бабочек, которые на Кавказе представлены большим числом крупных, ярко окрашенных и привлекательных для коллекционера-любителя видов [Некрутенко, 1990]. Этот вид коллекционирования был довольно распространен

⁸ В частности, он был председателем Императорских Русского географического (1892–1917), Русского исторического (1910–1917), почетным председателем Русского энтомологического общества (1881–1917) и др.

в среде русского дворянства и сам по себе не выглядел экстравагантным или недостойным аристократического юноши занятием.

Николай Михайлович писал, что он начал собирать коллекцию бабочек с 1873 г., то есть в возрасте четырнадцати лет⁹. На становление его естественнонаучных интересов решающее влияние оказал Густав Радде, известный российский путешественник и зоолог, занимавший в то время должность директора Кавказского музея и входящий в дом Кавказского наместника [Ган, 1912]. С помощью Радде великий князь смог установить контакты с большим числом практикующих лепидоптерологов того времени, которые стали поставщиками экземпляров для его коллекции, а также консультантами и помощниками в его собирательской деятельности. В то время, как и сейчас, торговля коллекционными экземплярами насекомых была общепринятой и прибыльной практикой, служившей источником дохода для многих небогатых натуралистов. Двое из них – Г.И. Сиверс (1843–1898) и Г.Т. Христоф (1831–1894) – в дальнейшем последовали за Николаем Михайловичем в Петербург и стали первыми сотрудниками его научного кружка.

В апреле 1878 г. Николай Михайлович в подтверждение серьезности своего увлечения выразил желание вступить в число действительных членов Императорского Российского энтомологического общества (РЭО), и Совет общества удовлетворил его просьбу [Слепкова, 2021]. Через год в «Трудах» РЭО появилась его первая научная работа «Некоторые наблюдения над чешуекрылыми в районе Армянского плоскогорья, включающего Александрополь, Карс и Эрзерум»¹⁰. Таким образом, первоначальное коллекторское увлечение Николая Михайловича перешло в подлинный исследовательский интерес. В 1881 г. он переезжает в Петербург, поступает в Николаевскую Академию Генерального штаба, учебой в которой явно тягостится [Юсупова, Винарский, 2022]¹¹. Одновременно он расширяет состав своих непосредственных сотрудников – приглашает натуралистов О.Ф. Гер-

⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 549. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Письмо великого князя Николая Михайловича к Президенту Академии наук Константину Константиновичу.

¹⁰ Обратим внимание, что коллекционные материалы по этим регионам великий князь собрал, находясь на закавказском театре военных действий во время Русско-турецкой войны 1877 г.

¹¹ В этом отношении Николай Михайлович не представлял собой уникальный случай в династии Романовых. Ср. признание великого князя Александра Павловича (будущего императора Александра I) своему наставнику Ф. де Лагарпу: «Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдать своим научным занятиям, составляющим мое любимое времяпрепровождение; я сделался теперь самым несчастным человеком» [Эйдельман, 1993, с. 268]. Однако, в отличие от Николая Михайловича, судьба не позволила Александру I даже в малейшей степени реализовать свою страсть к «научным занятиям».

ца (1853–1905) и С.Н. Алфераки (1850–1918), которые занимаются обработкой его коллекции и уходом за ней, сбором чешуекрылых и жуков в различных районах Империи, а также за границей, принимают участие в издательской деятельности, организованной великим князем. В 1884 г. в состав кружка вошел молодой энтомолог Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936), совершивший при финансовой помощи великого князя три путешествия на Памир (с 1884 по 1887 г.), фауна насекомых которого в то время была «белым пятном» для европейских зоологов. Проводя большую часть своего времени в экспедициях, Грумм-Гржимайло был менее близок к «ядру» кружка, хотя поддерживал интенсивную переписку с великим князем.

Николай Михайлович тесно сотрудничал с Русским энтомологическим обществом, почетным президентом которого стал в ноябре 1881 г. Активные сотрудники Общества (Н.Г. Ершов, К.А. Фиксен, Ф.П. Кеппен и др.) вошли в состав его научного кружка. Вскоре апартаменты великого князя Николая Михайловича в Ново-Михайловском дворце в Санкт-Петербурге на Дворцовой набережной становятся одним из центров российской лепидоптерологии. Здесь были размещены многочисленные шкафы, в которых хранилась увеличивавшаяся с каждым годом коллекция Николая Михайловича, и находились рабочие места сотрудников научного кружка князя.

В годы расцвета кружка (1880–1900) в его состав входило до десяти известных энтомологов. Часть из них имела профессиональное естественнонаучное образование или как основное (Сиверс, Грумм-Гржимайло, Фиксен), или как дополнительное (Кеппен), а часть вышла из рядов энтомологов-любителей, коллекторский интерес которых развился настолько, что позволил им начать собственные исследования в области лепидоптерологии. Некоторые из участников кружка (Сиверс, Христоф, Герц, Алфераки) стали наемными работниками великого князя, штатными сотрудниками его Двора; другие получали от него денежные средства на проведение длительных экспедиций (самым известным из таких энтомологов-путешественников стал Г.Е. Грумм-Гржимайло). При этом сам Николай Михайлович принимал активное участие в этих исследованиях: выезжал вместе со своими сотрудниками летом на Кавказ для ловли бабочек, обрабатывал собранные материалы, на основе которых опубликовал несколько печатных работ, включая монографию о чешуекрылых Закавказья, высоко оцененную и современниками, и потомками [Некрутенко, 1990; Свиридов, 2001]. Члены кружка поддерживали прочные научные связи с западноевропейскими лепидоптерологами, включая специалистов из Германии, Франции, Нидерландов и Великобритании. Самые тесные контакты связывали Николая Михайловича и его сотрудников с «идеологом» описательной лепидоптерологии второй половины XIX в. Отто Штаудингером (1830–1900), автором влиятельного каталога бабочек Палеарктики, которым пользовались

практически все европейские и русские коллекционеры¹². Герц и Алфераки были непосредственными учениками Штаудингера.

Плодотворную деятельность этого объединения характеризуют, например, такие факты: сотрудники и члены кружка совершили с 1884 по начало XX в. более двенадцати коллекторских экспедиций в зарубежные страны (Китай, Корея, Япония, Персия и др.) и в разные регионы Памира, не считая поездок по России; ими опубликовано 28 печатных статей в издании “*Mémoires sur les Lépidoptères*”, выпускавшемся под редакцией и на средства великого князя; описано большое число новых для науки родов и видов чешуекрылых, для каталогизации которых потребовалось бы самостоятельное исследование.

Распад кружка и завершение его работы связаны с уходом из жизни ряда его активных членов и утратой интереса к энтомологии самого великого князя, который в начале 1900-х гг. переключился на другую исследовательскую область – историю России первой четверти XIX в. Памятниками этому неформальному объединению российских лепидоптерологов стали девять томов периодического издания “*Mémoires sur les Lépidoptères*” (1894–1901), а также великолепная коллекция бабочек, собранная Николаем Михайловичем и его коллегами, – одна из крупнейших частных коллекций в мире, переданная в дар Зоологическому музею Академии наук и до сих пор активно используемая специалистами-лепидоптерологами [Слепкова, 2021].

Резюмируя сказанное выше, мы можем сказать, что Николай Михайлович не довольствовался только «раздачей денег» и покровительством конкретным исследователям, а сформировал вокруг себя сообщество знатоков-любителей, руководил их деятельностью и вместе с ними вышел на уровень профессиональных исследований в области описательной энтомологии¹³.

¹² Яркую характеристику Штаудингера и его деятельности можно найти в воспоминаниях В.В. Набокова «Другие берега» (любое издание).

¹³ На более высокий, аналитический уровень исследований удалось выйти, пожалуй, только Г.Е. Грумм-Гржимайло, который от «инвентаризации» разнообразия бабочек перешел к изучению их истории в географическом и экологическом контексте, разработав оригинальный подход к реконструкции генезиса фауны [Винарский, Юсупова, 2021]. Научные труды остальных членов кружка соответствуют «описательному» этапу в развитии энтомологии.

Институционализация науки как инструмент жизнотворчества

Известные нам биографические данные о великом князе и членах его кружка показывают, что важнейшим стимулом Николая Михайловича к созданию и многолетнему финансированию его энтомологического кружка было не простое меценатство, довольно обычное в среде высшей российской аристократии той эпохи, а стремление к реализации собственных исследовательских амбиций, вопреки той социальной роли, которую ему жестко предписывало его происхождение.

Меценатство издавна представляло собой бескорыстное и просвещенное опекание творческих людей, не требующее от самого жертвователя принимать участие в их работе. Но история знает много случаев, когда состоятельный аристократ становился меценатом для самого себя, удовлетворяя свою любознательность за собственный счет. Некоторым из таких людей удавалось внести существенный вклад в науку. Вспомним Персиваля Лоуэлла (Percival Lowell, 1855–1916), американского бизнесмена, увлекавшегося астрономией и построившего для своих исследований частную обсерваторию, преимущественно для изучения планеты Марс [Hetherington, 1981].

И в том, и в другом случае решающим условием было обладание значительными средствами, а также желание щедро тратить их на производство знания, предметов искусства и иных «духовных ценностей». Знатность рода и положение в социальной иерархии, по-видимому, должны были иметь меньшее значение, ведь, как известно, «царских путей к геометрии нет» (Евклид). Неудивительно, что очень редки случаи, когда выходец из высших слоев аристократии, не говоря уже о членах царствующих фамилий, достигал значительных успехов в науке или искусстве. Хрестоматийные примеры (Улугбек, Р. Бойль) можно пересчитать по пальцам.

Резонно думать, что главной причиной этого был особый этос, свойственный аристократии как сословию. Уделом аристократа почти во все времена и во всех странах были военное поприще, административная или придворная служба, что с рождения определяло жизненный путь, привычки, склонности, принципы поведения в обществе. «Свободные искусства» едва ли входили в общепринятый «репертуар», разве что в качестве проявления безобидной экстравагантности, которую едва ли можно принимать всерьез. Возможность заниматься ими была, пожалуй, только у младших отпрысков аристократических семейств, которым редко была доступна блестящая военная или придворная карьера [Дмитриев, 2017].

Высокое происхождение не позволяло человеку «с умом и талантом» (А. Пушкин) стать своим в университетской и академической среде, общаться на равных с более худородными, но гораздо

лучше образованными коллегами, составлявшими сплоченную и порой агрессивную по отношению к чужакам корпорацию.

Аристократ, желавший реализовать свои амбиции в сфере науки, был, таким образом, вдвойне чужд – и своему сословию, с условностями и предрассудками которого должен был считаться, и ученому миру, с плохо скрываемым недоверием относившемуся к знатым «выскочкам». Чтобы преодолеть это положение, приходилось предпринимать весьма нетривиальные шаги, находить и реализовывать особые практики коммуникаций и поведения, которые мы и будем называть жизнетворчеством (способностью личности выступать субъектом собственной жизни). Без этого высокородный исследователь мог навсегда остаться в статусе «просвещенного любителя», объектом снисходительного отношения со стороны профессионалов.

Одним из возможных приемов жизнетворчества для аристократа была организация вокруг себя микроаналога академической среды, «приватного» научного сообщества, аналогичного университетскому или академическому, предназначенного для «обслуживания» сиятельного исследователя, его потребности в самовыражении. Такой сценарий, хотя он и может показаться умозрительным, мы рассматриваем как приложимый к деятельности Николая Михайловича в сфере энтомологии.

Необходимо учитывать, что в те времена в Российской империи энтомология была весьма слабо институционализована. Рабочих мест для профессиональных энтомологов было очень мало. Университетские кафедры занимали обычно зоологи, работавшие в области сравнительной анатомии и эмбриологии, занятия систематикой насекомых не поощрялись¹⁴. Зоологический музей Императорской Академии наук – центральное учреждение по изучению биологического разнообразия в стране – имел очень ограниченный штат научных сотрудников, работа которых к тому же оплачивалась весьма скудно [Штраух, 1889]. Большая часть практикующих энтомологов в то время «рекрутировалась» из числа коллекционеров-любителей, которые, подобно Николаю Михайловичу, постепенно перешли от собирания насекомых к их углубленному изучению. Еще в 1859 г. группа таких любителей положила начало РЭО, в состав которого два года спустя после его основания входил 91 член, живущий в России, из которых только для 16 имеются основания рассматривать их как «профессиональных ученых» [Юсупова, Винарский, 2022].

¹⁴ В своих мемуарах С.Н. Алфераки [Алфераки, 1909, с. 59–60] пишет, что в 1869 г. он был вынужден оставить Московский университет, поскольку к его желанию заниматься изучением чешуекрылых резко отрицательно отнесся профессор зоологии А.П. Богданов. После чего он отправился в Дрезден к Отто Штаудингеру, у которого обучался в 1871–1872 и 1873 гг.

Хотя великокняжеский «кружок» не имел никакого официального статуса, тем не менее по ряду признаков его члены вполне соответствовали понятию «профессиональных ученых» даже по меркам нашего времени. Они получали заработную плату за проводимые ими исследования (а также за систематизацию коллекции Николая Михайловича и технический уход за ней), печатались в профильных научных журналах и входили в неформальные научные сети, существовавшие в европейской лепидоптерологии того времени. Таким образом, созданное великим князем объединение энтомологов-энтузиастов дало многим из них возможность реализовать свое научное призвание в условиях крайнего дефицита оплачиваемых рабочих мест для специалистов данного профиля. Даже после распада кружка Николай Михайлович позаботился о судьбе своего сотрудника Отто Герца, выхлопотав для него штатное место ученого хранителя в Зоологическом музее – куратора своей коллекции чешуекрылых, пожертвованной в Зоологический музей [Слепкова, 2021; Юсупова, Винарский, 2022]. О том, насколько это было важно, свидетельствует, например, история жизни Г.Е. Грумм-Гржимайло, которого Николай Михайлович не смог (или не захотел) включить в штат сотрудников своего Двора, чтобы оплачивать его исследовательскую работу. Не имея возможности зарабатывать деньги наукой, он был вынужден занять должность чиновника Министерства государственных имуществ, а также искать дополнительный заработок в журналистской работе и даже продавать свои естественнонаучные коллекции, в том числе чешуекрылых.

Заключение: кружок как форма научной повседневности

Великокняжеский энтомологический кружок, формирование и деятельность которого кратко описаны выше, был не уникален для истории науки в России, но представляет собой единственный известный случай организации подобного сообщества вокруг персоны, принадлежащей царствующему дому. Среди членов российской императорской фамилии, известной своим покровительством научным учреждениям и обществам¹⁵, были те, кто выделялся своим личным вкладом в развитие науки в России. Отметим в первую очередь великого князя Константина Константиновича – президента Императорской Академии

¹⁵ Наиболее известными из российских научных учреждений, которым покровительствовала императорская семья Романовых, были: Императорская Академия наук, Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское техническое общество, Императорское Русское историческое общество.

наук (в 1889–1915 гг.), под руководством которого произошло ее значительное организационно-финансовое укрепление и расширение числа исследовательских направлений [Соболев, 1993], и принца А.П. Ольденбургского, основателя и попечителя Института экспериментальной медицины. Однако в обоих случаях просвещенные аристократы царской крови не стали профессиональными учеными. Герой нашего очерка органично, на правах деятельного, не почетного участника, вошел в научное сообщество, для чего и создал вокруг себя кружок увлеченных единомышленников, действовавший как единое целое и решавший самый широкий круг научных задач – от проведения полевых исследований до книгоиздательства.

Кружок представлял собой весьма интересное явление с точки зрения организационных форм бытования науки в XIX в.: он был создан, с одной стороны, для воплощения собственных научных амбиций князя, а с другой стороны, работая на Николая Михайловича, участники кружка реализовывали свои личные интересы: осуществляли экспедиции за счет средств князя, пополняя не только его, но и свои коллекции. Великий князь создал условия для описания новых видов бабочек и их публикации в научных изданиях, что имело большую важность для ряда членов кружка (С. Алфераки, Г. Грумм-Гржимайло). Следует также отметить, что членов кружка связывали друг с другом и с великим князем дружеские, доверительные, неформальные отношения, что подтверждает их сохранившаяся переписка, а также мемуары [Алфераки, 1909; Юсупова, Винарский, 2021].

Положение, которое занимал Николай Михайлович в своем кружке, трудно свести к одной роли. По сути, он был всем сразу – вдохновителем, работодателем, издателем, организатором путешествий, наконец, полноправным участником исследований, перу которого принадлежит несколько публикаций в области лепидоптерологии. Можно сказать, что великий князь целенаправленно создавал вокруг себя миниатюрный аналог нормальной академической среды, сравнимый по масштабу с отдельной лабораторией в структуре современного исследовательского института. Это и стало для него успешным опытом жизнестроительства, с помощью которого великий князь сумел совместить предначертанную ему по рождению военную стезю с искренним и серьезным увлечением энтомологией.

Д.А. Александров [Александров, 1994, с. 7] отмечает, что «феномен “кружка” и само слово характерны именно для русской культуры». Такие объединения зародились в 30–40-х гг. XIX в. как литературно-политические домашние кружки для неформального обсуждения актуальных проблем. К середине XIX в. эта форма организации повседневности распространилась и на научные сообщества. В данном сюжете кружок стал альтернативной государственной Академии наук и университетам формой организации научных исследований. Но, в отличие от дальнейшего развития научных кружков в советское

время, энтомологический кружок Николая Михайловича не противостоял институтам «государственной» науки, а тесно с ними взаимодействовал.

В условиях слабой институционализированности энтомологии в Российской империи Николай Михайлович и его сотрудники образовали интенсивно работающий центр исследований в этой области, имевший тесные контакты с РЭО и ведущими лепидоптерологами зарубежной Европы. Участники кружка внесли немалый вклад в познание фауны насекомых отдаленных и труднодоступных тогда регионов, а в лице Г.Е. Грумм-Гржимайло кружок дал крупнейшего путешественника и исследователя природы Центральной Азии, совершившего ряд выдающихся географических открытий.

По-видимому, и сам великий князь должен был быть доволен результатом. Собранный им коллектив единомышленников и помощников помог ему занять заметное место в европейской лепидоптерологии того времени, успешно «профессионализировать» свой изначально любительский статус. Полученный опыт, возможно, способствовал и его уверенному вхождению в новую для себя область науки – историю, где он также не имел профильного образования. По нашему мнению, создание кружка было для Николая Михайловича способом реализовать собственные интересы и амбиции в области науки, не порывая при этом со своей социальной средой и не выходя радикально за пределы поведенческих норм, установленных обществом для лиц его положения. Безусловно выиграла и российская энтомология, развитию которой был придан в то время мощный толчок.

Тотальное огосударствление отечественной науки после 1917 г., равно как и уничтожение аристократии как социальной группы, сделало невозможными повторные реализации данной модели жизнетворчества. По-видимому, энтомологический кружок великого князя Николая Михайловича является последним подобного рода примером организации исследований в истории отечественной науки.

Список литературы

Александров, 1994 – Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.

Алфераки, 1909 – Алфераки С.Н. Автобиография натуралиста-охотника // Природа и охота. 1909. Кн. I–VIII. С. 1–142.

Андрюшкевич, Мазинг, 2013 – Андрюшкевич Т.В., Мазинг Ю.А. Создание Института, подобного пастеровскому в Париже (к 125-летию Указа императора Александра III) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 11. Медицина. 2013. Вып. 4. С. 226–254.

Бекасова, 1995 – *Бекасова А.В.* «Ученые занятия» русского аристократа как способ самореализации (на примере графа Н.П. Румянцева) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. Вып. 1. С. 24–39.

Вернадский, 1914 – *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Русская Мысль. 1914. № 1. С. 1–23.

Винарский, Юсупова, 2021 – *Винарский М.В., Юсупова Т.И.* «Конкистадор русской энтомологии»: Г.Е. Грумм-Гржимайло и его вклад в лепидоптерологию // Историко-биологические исследования. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 7–39.

Воспоминания, 2019 – Воспоминания великого князя Александра Михайловича / Отв. ред. В.М. Хрусталева. М.: ПРОЗАИК, 2019. 464 с.

Ган, 1912 – *Ган К.Ф.* Биография Г.И. Радде // Коллекции Кавказского музея. Тифлис, 1912. Т. 6. С. 65–179.

Дмитриев, 2017 – *Дмитриев И.С.* Чисто английская карьера (Почему английские интеллектуалы XVII века стали изучать природу?) // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 4. С. 9–27.

Козлов, 1981 – *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. 172 с.

Королев, Мурзин, 2005 – *Королев В.А., Мурзин В.С.* История лепидоптерологических исследований в России. М.: Б.и., 2005. 110 с.

Некрутенко, 1990 – *Некрутенко Ю.П.* Дневные бабочки Кавказа. Определитель. Киев: Наукова думка, 1990. 216 с.

Свиридов, 2001 – *Свиридов А.В.* Энтомолог Николай Михайлович Романов // *Пчелов Е.В.* Генеалогия Романовых, 1613–2001. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. С. 209–217.

Слепкова, 2021 – *Слепкова Н.В.* Об обстоятельствах передачи коллекции бабочек великого князя Николая Михайловича Зоологическому музею в Санкт-Петербурге // Труды Зоологического института РАН. 2021. Т. 325. Вып. 1. С. 113–136.

Соболев, 1993 – *Соболев В.С.* Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе императорской Академии наук (1889–1915). СПб.: Искусство-СПб, 1993. 180 с.

Сохань, 2010 – *Сохань Л.В.* Искусство жизнетворчества. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2010. 576 с.

Тимирязев, 1926 – *Тимирязев К.А.* Новые потребности науки и их удовлетворение на Западе и у нас // *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. Сборник статей 1904–1919. Л.: Прибой, 1926. С. 38–48.

Штраух, 1889 – *Штраух А.* Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. СПб.: Императорская Академия наук, 1889. 372 с.

Эйдельман, 1993 – *Эйдельман Н.Я.* Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. 493 с.

Энгельгардт, 1999 – *Энгельгардт Н.А.* Александр Николаевич Энгельгардт и Батищевское дело (биографический очерк) // *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем, 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. С. 510–557.

Юсупова, Винарский, 2021 – *Юсупова Т.И., Винарский М.В.* «Все Вами открываемые новые виды будут украшать мои “Mémoires”»: письма великого князя Николая Михайловича к Г.Е. Грумм-Гржимайло // Russian Entomological Journal. 2021. Т. 30. Вып. 1. С. 109–122.

Юсупова, Винарский, 2022 – Юсупова Т.И., Винарский М.В. Энтомология в дворцовых покоях: великий князь Николай Михайлович и его научный кружок // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 4. С. 747–771.

References

Aleksandrov, D.A. “Istoricheskaya antropologiya nauki v Rossii” [The Historical Anthropology of Science in Russia], *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1994, no. 4, pp. 3–22. (In Russian)

Alferaki, S.N. “Avtobiografiya naturalista-okhotnika” [The Autobiography of a Hunter-Naturalist], *Priroda i okhota – Nature and Hunting*, 1909, book I–VIII, pp. 1–142. (In Russian)

Andryushkevich, T.V., Mazing, Yu.A. “Sozdaniye Instituta, podobnogo pastero-vskomu v Parizhe (k 125-letiyu Ukaza imperatora Aleksandra III)” [Creation of an Institute similar to Pasteur’s in Paris (for the 125th anniversary of the Decree of Emperor Alexander III)], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 11. Meditsina*, 2013, no. 4, pp. 226–254. (In Russian)

Bekasova, A.V. ““Uchenyye zanyatiya’ russkogo aristokrata kak sposob samorealizatsii (na primere grafa N.P. Rumyantseva)” [“Academic Studies” of a Russian Aristocrat as a Way of Self-realization (On the Example of Count N.P. Rumyantsev)], *Voprosy Istorii Estestvoznaniya i Tekhniki*, 1995, no. 1, pp. 24–39. (In Russian)

Dmitriev, I.S. “Chisto angliyskaya kar’era (Pochemu angliyskiye intellektualy XVII veka stali izuchat prirodu?)” [True English Career (Why the England Intellectuals of the XVII Century Started to Learn the Nature?)], *Sotsiologiya Nauki i Tekhniki – Sociology of Science and Technology*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 9–27. (In Russian)

Eidelman, N.Ya. *Iz potayonnoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the Secret History of Russia of the XVIII–XIX Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola, 1993. (In Russian)

Engelgardt, N.A. “Aleksandr Nikolayevich Engel’gardt i Batishchevskoye delo (biograficheskiy ocherk)” [Aleksandr Nikolayevich Engelgardt and the Batishchevo Enterprise], in: Engelgardt, A.N. *Iz derevni. 12 pisem, 1872–1887* [From the Country. 12 Letters, 1872–1887]. Saint Petersburg: Nauka, 1999, pp. 510–557. (In Russian)

Gan, K.F. “Biografiya G.I. Radde” [A Biography of G.I. Radde], *Kollektsii Kavkazskogo Muzeya*, 1912, vol. 6, pp. 65–179. (In Russian)

Hetherington, N.S. “Percival Lowell: Professional Scientist or Interloper?”, *Journal of the History of the Ideas*, 1981, vol. 42, pp. 159–161.

Kojevnikov, A. “The Phenomenon of Soviet Science”, *Osiris*, second series, 2008, vol. 23, pp. 115–135.

Korolev, V.A., Murzin, V.S. *Istoriya lepidopterologicheskikh issledovaniy v Rossii* [A History of Lepidopterological Research in Russia]. Moscow, 2005. (In Russian)

Kozlov, V.P. *Kolumby rossiyskikh drevnostey* [The “Columbuses” of the Russian Antiquity]. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

Nekrutenko, Yu.P. *Dnevnyye babochki Kavkaza. Opredelitel’* [The Day Butterflies of Caucasus: A Determination Key]. Kiev: Naukova dumka, 1990. (In Russian)

Outram, D. *Georges Cuvier: vocation, science and authority in post revolutionary France*. Manchester: Manchester University Press, 1984, 299 pp.

Slepikova, N.V. “Ob obstoyatel’stvakh peredachi kolleksii babochek velikogo knyazya Nikolaya Mikhaylovicha Zoologicheskomu muzeyu v Sankt-Peterburge” [On the circumstances of the transfer of the Lepidoptera collection of Grand Duke Nikolai Mikhailovich to the Zoological Museum in St. Petersburg], *Proceedings of the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences*, 2021, vol. 325, pp. 113–136. (In Russian)

Sobolev, V.S. *Avgusteyskiy prezident: Velikiy knyaz’ Konstantin Konstantinovich vo glave imperatorskoy Akademii nauk (1889–1915)* [The August President: The Grand Duke Konstantin Konstantinovich as the head of the Imperial Academy of Sciences (1889–1915)]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1993. (In Russian)

Sokhan’, L.V. *Iskusstvo zhiznetvorchestva* [The Art of Life-Making]. Kiev: Dmitry Burago, 2010. (In Russian)

Strauch, A. von. *Das Zoologische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in seinem fünfzigjährigen Bestehen: Bericht über die Entstehung, Vergrößerung und den gegenwärtigen Zustand desselben*, St.-Petersburg: Kaiserliche-Akademie der Wissenschaften, 1889.

Sviridov, A.V. “Entomolog Nikolay Mikhailovich Romanov” [Nikolay Mikhailovich Romanov, the Entomologist], in: Pchelov, E.V. *Genealogiya Romanovykh, 1613–2001* [The Romanovs’ Genealogy, 1613–2001]. Moscow: Exlibris-press, 2001, pp. 209–217. (In Russian)

Timiryazev, K.A. “Novye potrebnosti nauki i ikh udovletvorenie na Zapade i u nas” [New Needs of Science and their Satisfaction in the West and Here], in: Timiryazev, K.A. *Nauka i demokratiya. Sbornik statey 1904–1919* [Science and Democracy. Collected Essays, 1904–1919]. Leningrad: Priboy, 1926, pp. 38–48. (In Russian)

Vernadskiy, V.I. “Ocherki po istorii estestvoznaniya v Rossii v XVIII stoletii” [Essays on the History of Natural Sciences in Russia in the Eighteenth Century], *Russkaya Mysl’*, 1914, no. 1, pp. 1–23. (In Russian)

Vinarskiy, M.V., Yusupova, T.I. “‘Konkistador russkoy entomologii’: G.E. Grumm-Grzhimaylo i ego vklad v lepidopterologiyu” [“A Conquistador of Russian Entomology”: Grigory Efimovich Grumm-Grzhimailo and His Contribution to Lepidopterology], *Istoriko-Biologicheskiye Issledovaniya*, 2021, vol. 13, pp. 7–39. (In Russian)

Vospominaniya velikogo knyazya Aleksandra Mikhaylovicha [Memories of Grand Duke Alexander Mikhailovich]. Moscow: PROZAIK, 2019. (In Russian)

Yusupova, T.I., Vinarskiy, M.V. “‘Vse Vami otkryvayemyye novyye vidy budut ukrashat’ moi ‘Mémoires’’: pis’ma velikogo knyazya Nikolaya Mikhaylovicha k G.E. Grumm-Grzhimaylo” [“All New Species You Discover Will Decorate My ‘Mémoires’”: Letters of the Grand Duke Nikolay Mikhailovich to G.E. Grumm-Grzhimailo], *Russian Entomological Journal*, 2021, vol. 30, pp. 109–122. (In Russian)